

КИЙ: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

А. Н. Сахаров

Среди легендарных и потому, наверное, особенно привлекательных и спорных текстов, включенных в состав «Повести временных лет», заметное место принадлежит легенде о Кие, двух его братьях Щёке и Хориве и сестре их Лыбеди. Рассказав о расселении братьев и сестры на киевских горах и об основании ими города Киева, летописец продолжает: «Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ был, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своем, приходившю ему ко царю, яко же скажут, яко велику честь прияль от царя, при котором приходив цари. Идущю же ему вспять, приде к Дунаеву, к възлюби место, и сруби градокъ мал, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущии; еже и донныне наречють дунайци городище Киевецъ. Киеве же пришедшю въ свой градъ Киев, ту живот свой сконча; и брат Щёкъ и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася»¹. Этот текст в той или иной форме вошел во многие отечественные дореволюционные и советские издания, представлен в зарубежных исследовательских работах и в антологиях. Одни историки отрицали реальность фактов о Кие и в связи с этим не считали возможным появление в полянской земле русского княжества в «дорюриковский период» Древней Руси. Такой подход к вопросу прослеживается в ряде работ отечественных и зарубежных норманистов. Другие исследователи полагали, что запись о Кие заключает в себе определенные исторические реалии; в связи с этим делались выводы о зарождении государственности в Поднепровье задолго до «призвания варягов». В числе аргументов как pro, так и contra в основном использовались данные социально-экономического и политического характера.

Однако есть еще один аспект подхода к проблеме: анализ ее с точки зрения зарождения древнерусской дипломатии, поскольку запись о Кие связана с внешнеполитическими контактами древних полян, в первую очередь с Византийской империей. Такой подход позволяет раскрыть мало изученный до сих пор аспект становления древнерусской государственности переходного периода от первобытнообщинного строя к раннему феодализму, периода «военной демократии».

В Восточной Европе то было время возникновения классового общества, широкого использования войн как системы решения межплеменных вопросов, складывания дружинных организаций, появления «военно-демократических» предводителей². Именно тогда было положено начало той дипломатической практике древних славян, которая является неотъемлемой частью любого складывающегося феодального государственного организма. Вот с этой-то стороны и представляется целесообразным вернуться к вопросу об исторических реалиях летописной легенды о Кие.

Ко времени, когда на берегах Волхова и Днепра появились первые стабильные восточнославянские государственные объединения, мировая дипломатическая практика проделала долгий и сложный путь. Государства Древнего Востока, Рим, греческие государства-полисы и их многочисленные колонии, Скифская держава, позднее Византийская империя и раннефеодальные государства Западной Европы, Арабский халифат, государства Средней Азии и Закавказья, Хазарский каганат, государственные образования, возникавшие в степях Причерноморья и Северного Кавказа, — весь этот разноязыкий, этнически пестрый, разнообразный в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях мир за долгие столетия уже выработал определенные дипломатические приемы, средства, формы, заимствуя их друг у друга,

¹ «Повесть временных лет» (ПВЛ). Т. I. М. 1950, стр. 13.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 142—143.

прямая опыт веков к нуждам собственной рабовладельческой и феодальной государственности. И весь этот постоянно бурлящий, волнующийся, меняющийся, воюющий и мирящийся мир плотным полукольцом охватывал Восточно-Европейскую равнину, где вдоль полноводных рек, на необозримых солнечных черноземах, на перекрестках древнейших торговых путей и в сумрачных северных лесах протекали активные общественные процессы, шло становление нового славянского государственного образования — Древней Руси. И точно так же, как долины рек, привольные степи, многочисленные городки были открыты товарам, хозяйственной сноровке, военному опыту других стран и народов, восточнославянское общество должно было неизбежно знакомиться с политическими традициями этого окружающего мира, примерять собственный опыт к уже сложившейся международной дипломатической практике, впитывать в себя все то, что могло усилить основы раннефеодальной славянской государственности, укрепить позиции княжеской власти внутри страны и содействовать ее международному престижу.

Нам представляется в связи с этим весьма правильным высказанное акад. Н. И. Конрадом положение о том, что возникшая с принятием христианства культурная связь Руси со всей христианской Европой позволила Киевскому государству «миновать «нормальные» стадии в развитии культуры, перешагнуть через них и в «ускоренном» порядке подняться, минуя ступень Античности, к культуре Средневековья... Русь сразу же включилась в орбиту культурной общности средневековой Европы»³. Думается, что подобный методологический подход мог бы быть полезен не только для определения результатов культурной связи Руси и Западной Европы в X в., но и для изучения более раннего времени, причем в разных сферах общественной жизни.

Первые известия о дипломатической практике древних славян относятся к V—VI вв. и сообщаются византийскими авторами. Эта практика совершенствовалась в ходе длительного противоборства племенных союзов склавинов и антов с Византийской империей, с другими государствами балканского и причерноморского мира. Именно в то время зарождаются те линии контактов славян и Византии, которые найдут затем яркое отражение в русско-византийских войнах IX—X вв., в дипломатических соглашениях разной значимости и направленности. Греческие авторы сообщали о постоянных набегах склавинов и антов на византийские владения в V—VI вв., о мощном давлении славянского мира на Балканы с начала VI в.: тысячу фунтов золота выплатила Византия гетам в 517 г., откупившись от их опустошительного набега⁴. О рейдах антов на Фракию писал византийский историк Прокопий Кесарийский, он же свидетельствовал о регулярных ударах, наносимых склавинами и антами через Дунай, и о бедственном положении балканских владений империи с 527 г., когда славяне напали на Константинополь при Юстиниане I. По данным Прокопия, тогда происходили «почти ежегодно» набеги склавинов и антов на византийские области⁵. Во время славяно-византийской войны 550—551 гг. славяне вновь подступили к Константинополю. В конце VI в. они делали пять попыток овладеть византийской столицей⁶.

К VI в. относится и особая практика отношений Византии и славянских племенных образований: императоры стремились поставить себе на службу военную мощь славянских племенных союзов, при помощи славянских наемных отрядов и славянских пограничных поселений отгородиться от натиска авар и болгар. Наем в императорскую армию славянских отрядов стал с VI в. обычным делом⁷. Юстиниан II развернул в конце VII в. целую систему пограничных опорных поселений, куда селил

³ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М. 1966, стр. 279.

⁴ «История Болгарии». Т. I. М. 1954, стр. 39.

⁵ «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.». «Вестник древней истории» (ВДИ), 1941, т. 1(14), стр. 236, 243—244.

⁶ М. Ю. Брайтчевский. К истории расселения славян на византийских землях. «Византийский временник», т. XIX, 1961, стр. 131, 135.

⁷ См. подробнее: «История Болгарии». Т. I, стр. 40; «История Византии». Т. I. М. 1967, стр. 339; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. I. М. 1966, стр. 322; З. В. Удальцова. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М. 1974, стр. 188.

славян-колонистов⁸. Однако эта система не оправдала себя и не остановила натиска окружающих Византию «варварских» народов на границы империи.

К VI—VII вв. относятся и первые международные комбинации с активным участием славянских племенных союзов. Тот же Прокопий сообщал о заключении «договора» антов и склавинов против империи. Византийский историк Менандр Протиктор писал о попытке антов во время противоборства с аварами в VI в. приостановить на время при помощи посольских переговоров военные действия для выкупа пленных. Антский деятель Мезамир в 560 г. вел с аварами переговоры по этому вопросу. Они окончились неудачей, а первый известный нам древнеславянский посол был убит. Псевдо-Маврикий упоминал о договорах, заключенных антами и склавинами с их соседями, как о само собой разумеющемся деле. «В общем,— писал он о дипломатической практике древних славян,— они коварны и не держат своего слова относительно договоров; их легче подчинить страхом, чем подарками»⁹. В этом контексте не может не обратить на себя внимание упоминание о подарках, которыми византийцы стремились откупиться от своих грозных и беспокойных соседей, что указывает на применение к антам обычных для того времени приемов византийской дипломатии. Подкуп и задаривание вождей «варварских» племенных союзов или государств были обыденным делом. Автор первой половины VII в. Феофилакт Симокатта сообщал, что анты в VI в. стали «союзниками римлян» в борьбе против авар¹⁰, а по данным Иоанна Эфесского (автора конца VI в.), нашедшим отзвук в одной из византийских хроник XII в., как раз нападение авар в союзе со склавинами и лангобардами на Византию вызвало к действию этот союз антов с империей: «Тогда ромеи побудили народ антов напасть на страну славян (склавинов.— А. С.)...»¹¹.

И еще одна характерная черта отношений славян VI в. с империей прослеживается в тот период: уплата антам крупных сумм денег и предоставление им права расселяться в пределах Византийской империи в обмен на обязательство соблюдать мир и противодействовать набегам кочевников. Так, в середине VI в. Юстиниан I, воспользовавшись распрями антов и склавинов, отправил к первым посольство, подтвердившее согласие Византии отдать им одну из крепостей на левом берегу Нижнего Дуная и выплатить деньги за обещание соблюдать мир¹². М. Ю. Брайчевский считает, что эти уступки антам Византия сделала после поражения в 534 г. ее полководца Хильбудия в сражениях со славянами. Деньги, которые империя обязалась уплачивать антам, автор трактует не как единовременный откуп за сохранение мира, а как постоянную дань¹³. Тот же автор предполагает наличие в этом случае антско-византийского договора. В союзе с Византией славяне не раз выступали против персов и остготов, а в союзе со своими противниками тоже не раз наносили удары по византийским владениям¹⁴.

Таким образом, даже эти ограниченные сведения о первых дипломатических контактах древних славян с Византией, аварами, лангобардами, между самими древнеславянскими племенами свидетельствуют о том, что склавины и анты находились в русле тогдашних восточноевропейских политических взаимоотношений. Вооруженные силы их межплеменных союзов прекрасно знали дорогу на Константинополь. Захват территории и богатой добычи, увод в плен мирных жителей, стремление вырвать у Византии подарки и золото в обмен на мир, участие в системе военных союзов, служба антских отрядов в византийской армии, их участие в охране имперских границ, ведение мирных посольских переговоров с соседями, в частности относительно одного из древнейших сюжетов дипломатических отношений — выкупа пленников,— все это было нормой для тогдашнего древнеславянского общества. Политические взаимоотношения антских племен с соседями не представляли собой чего-то из

⁸ «История Византии». Т. 2. М. 1967, стр. 42.

⁹ «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.», стр. 236, 242, 254.

¹⁰ Там же, стр. 268.

¹¹ См. А. М. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пгтр. 1919, стр. 19.

¹² «История Византии». Т. 2, стр. 340; «История Болгарии». Т. 1, стр. 41.

¹³ М. Ю. Брайчевский. Указ. соч., стр. 128.

¹⁴ Там же, стр. 129.

ряда вон выходящего. То были обычные отношения тогдашнего «варварского» мира с Византией и обычные же отношения внутри самого «варварского» мира. А приемы и методы этих отношений возникли, конечно, не в VI в., но дошли к древним славянам из глубокой древности, от греко-римского и ближневосточного мира, от племенных традиций Восточной Европы. Акад. Б. Д. Греков писал: «Анты, подобно тому как и южные, и западные славяне, уже в VI—VII веках создали свою политическую организацию, вполне своевременную при тех условиях»¹⁵. Думается, что эта характеристика целиком приложима к одному из рычагов политической организации — «дипломатической службе». Эти слова взяты в кавычки потому, что ни о какой систематической службе, конечно, тогда не могло идти и речи. Но налицо были навыки, традиции, образцы межгосударственных и межплеменных общений, дошедшие к антам от предшествующих государств, от Византийской империи, те образцы, которые оказались столь кстати развивавшейся славянской государственности.

Сквозь призму антских политических традиций представляется возможным рассмотреть и вопрос о первом контакте между Русью и Византией, сведения о котором записаны в русской летописи в виде легенды о Кие. Не будем вдаваться в подробности вопроса, существовал ли Кий в действительности. В данном случае важнее другое: в какие исторические обстоятельства летописец поставил Кия и почему. «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку гласит: «Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду». Таким образом, если вопрос о социальной принадлежности Кия является для летописца дискуссионным (либо «первозник», либо князь), то его появление в Царьграде подразуется как факт точный и хорошо известный. Автор «Повести временных лет» здесь ничего не доказывает, никого не убеждает, он просто сообщает об общеизвестном событии. Во всяком случае, так это выглядит по стилю изложения. И, право, было бы слишком вычурным подозревать здесь летописца в некоем искусном сокрытии истины, преднамеренном тонком камуфляже и тому подобных грехах. Нет, здесь слово вырывается искренне и произвольно: если был бы простым перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А далее начинаются неясности: зачем ходил, когда, каков был результат появления Кия (или его реально-прототипа, если события близки к реальным) в Византии?

Первым решился безоговорочно ответить на этот вопрос В. Н. Татищев. Он так трактовал эту часть летописи: «...не ходил бы к Царюгороду с сильным войском»¹⁶. В. Н. Татищев на основании сведений Никоновской летописи (где после известия о приходе Кия к Царьграду добавлено: «с силою ратью»¹⁷) решил, что Кий предпринял военный поход на Царьград, как делали это позднее и болгары, и руссы, и угры. И в дальнейшем легенда о Кие неоднократно привлекала внимание историков. А. Л. Шлецер с раздражением писал про летописную запись о Кие и его братьях: «Все тут выдуманно по пристрастию к словопроизводству»; Нестор, по мнению А. Л. Шлецера, в этом эпизоде просто «преодолелся народною гордостью»¹⁸. М. В. Ломоносов вслед за В. Н. Татищевым смотрел в «Древней Российской истории» на летописную версию более реально: «Кий, может быть, усилился, ходивши по примеру других северных народов военачальником на Грецию, как объявляет Нестор, защищая его, что он не был перевозчик, как некоторые тогда говорили»¹⁹. М. М. Щербатов считал, что экспедиция Кия (которую он относит, согласно хронике М. Стрыйковского, к V в.) не могла носить военного характера, а являлась мирным путешествием, так как византийские и римские источники того времени не отмечали никаких войн Византии со славянами, болгарами или сарматами. М. М. Щербатов утверждал, что Кий не мог быть князем, так как летописи не сообщают времени его княжения, а потому он не мог быть с почетом принят в Константинополе²⁰.

¹⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949, стр. 438.

¹⁶ В. Н. Татищев. История Российская. Т. 2. М.-Л. 1963, стр. 30.

¹⁷ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. IX. Никоновская летопись. СПб. 1862, стр. 4.

¹⁸ А. Л. Шлецер. Нестор. Ч. I. СПб. 1809, стр. 182.

¹⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л. 1952, стр. 214.

²⁰ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен. СПб. 1901, стр. 176—178.

Склонен был считать Кия историческим лицом, сарматом по происхождению, И. Н. Болтин²¹. Вообще же многие историки XIX—XX вв., не вдаваясь в анализ этого летописного отрывка, перелагали его в общих курсах как историческую легенду, хотя по-прежнему звучали голоса в пользу историчности фигуры Кия. С. М. Соловьев едва ли не одним из первых попытался поставить легенду на реальную почву фактов. «Господство родовых понятий,— писал он,— заставляло летописца предполагать в Кие князя, старейшину рода,.. хотя дальний поход в Грецию и желание поселиться на Дунае, в стране более привольной, обличают скорее беспокойного вождя дружины, чем мирного владыку рода»²². А. В. Лонгинов выдвинул версию о том, что русское посольство к византийскому императору Феофилу, отмеченное в Бертинской хронике под 839 г., имеет аналогию с рассказом о военном походе Кия на Царьград²³, о возвращении его оттуда через дунайские земли, где Кий заложил г. Киевец, и о его последующих мирных сношениях с Византией. Именно в 854 г. в составе греческих войск, по мнению А. В. Лонгинова, впервые появился русский отряд. Д. Я. Самоквасов справедливо отмечал, что самый факт включения этой легенды в летопись свидетельствовал о зарождении сношений Руси и Византии в глубокой древности²⁴.

В советской историографии этот факт также не получил однозначной оценки. Последние переводчики и комментаторы «Повести временных лет» акад. Д. С. Лихачев и Б. А. Романов, хотя и перевели текст: «То не ходил бы к Царьграду», однако не объяснили смысл появления Кия в Византии; Д. С. Лихачев отмечает эту часть летописи в комментариях вопросом: «Что имеет в виду летописец под термином «ходил» — поход ли на Царьград или мирное путешествие, вроде поездки Ольги?»²⁵. Сквозь призму возникновения славянской государственности рассматривал легенду о Кие Б. Д. Греков: «Несмотря на очевидную легендарность Кия, мы все-таки и сейчас не сможем обойти его молчанием, если хотим правильно поставить перед собой задачу изучения политической истории Киева с древнейших времен»²⁶. В «Очерках истории СССР» он подходил к этой легенде в плане изучения внутренней истории русских земель и подтверждения древности и автономности происхождения Древнерусского государства; внешнеполитические же аспекты легенды в данном случае не освещались²⁷. М. В. Левченко подчеркивал реальность тех внешнеполитических событий, которые отражены в летописной записи о Кие: она «может отражать действительный факт сношений киевских князей с Византией до 860 г.»²⁸.

Акад. Б. А. Рыбаков в многотомной «Истории СССР» обратил пристальное внимание на внешнеполитическую основу действий Кия, рассказав о его поездке в Константинополь, а деятельность этого легендарного вождя полян связал с событиями VI в., когда Юстиниан I нанимал на службу в византийскую армию славянских князей²⁹. Большое значение для изучения этой части древнейшей русской летописи имеют и другие работы Б. А. Рыбакова. Еще в 1939 г. он высказал мнение о том, что многие явления Киевской Руси уходят корнями в антекую эпоху и «отзвуком древних антских походов к границам Византии является комментарий автора «Повести временных лет» к рассказу о Кие, Щёке и Хориве»³⁰. В другой статье Б. А. Рыбаков отнес реалии этой легенды к VI веку. Об этом, по мнению автора, говорят и наличие армянской аналогии сказанию о Кие, записанной не позднее VII в. армянским историком Зеноном Глаком, который рассказывает о построении в стране Полуни го-

²¹ И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том истории князя Щербатова. Т. I. СПб. 1793, стр. 140.

²² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. I. М. 1959, стр. 94.

²³ А. В. Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса. 1904, стр. 44.

²⁴ Д. Я. Самоквасов. Древнее русское право. М. 1903, стр. 1.

²⁵ ПВЛ. Т. I, стр. 209; Т. II. М. 1950. Комментарии, стр. 221.

²⁶ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 439.

²⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.» (далее — «Очерки»). Ч. I. М. 1953, стр. 72.

²⁸ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, стр. 57.

²⁹ «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. I, стр. 351—352.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, т. 1(6), стр. 337.

рода Куара, и тесная связь названий ряда дунайских городов с названием одноименных антских городков Поднепровья³¹.

Обращает на себя внимание и такая интересная деталь. Авары в 558 г. заставили императора Юстиниана I пойти с ними на мирное соглашение³² (обычно это случилось после устрашающих набегов кочевников в пределы Византийской империи). С тех пор авары стали друзьями Византии, а аварские каганы получали от империи богатые подарки. Установление этих отношений относится к VI веку. Однако это не исключало последующих военных столкновений авар с Византией. А теперь обратимся к «Повести временных лет» и посмотрим, что там говорится об отношениях авар — «обров» с Византийской империей: «Въ си же времена быща и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша». Таким образом, перед нами высвечивается вполне реальная картина: первые набеги авар на Византию, начало договорных отношений между каганатом и империей, новые военные конфликты, когда авары чуть было не захватили императора. Здесь же появляется фигура Кия. Автор «Повести временных лет» тем самым фиксирует события, относящиеся непосредственно к первой трети VII в. (время правления императора Ираклия: 610—641 гг.). Заметим, что легенда о Кие расположена там же, где идет речь о расселении славянских племен, о появлении на Дунае болгар и приходе угров, о нападении авар на Византию. Летописец отмечает: «Въ си же времена». Думается, что эти сведения, сопоставленные вместе, являются еще одним аргументом в пользу отнесения событий, связанных с именем Кия, к VI или началу VII века.

Более подробно рассмотрел этот вопрос Б. А. Рыбаков в фундаментальной работе «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи». Автор переносит нас в ту эпоху, когда факты, связанные с легендой о Кие, были историческими реалиями: время образования в славянских землях мощных племенных союзов, начала массовых походов славян на Византию, колонизации южных окраин Поднепровья, участвовавших случаев перехода славянской знати на службу к византийским императорам, начала смертельной борьбы славян с аварами. Используя данные Прокопия Кесарийского, Б. А. Рыбаков воссоздает время, когда «славянский князь мог стать гостем императора, мог получить великую честь и затем «с родом своим» пытаться строить крепость на Дунае и защищать ее от окрестных племен»³³. Исследователь приходит к выводу, что легендарный Кий был в славянском обществе заметной фигурой: «Не так легко было тогда организовать такую экспедицию; не каждого славянского князька принимал император Византии и далеко не каждый уходил из Царьграда не только с «честью великой», но и с правом постройки города на границе империи. Славянский князь был в Византии обласкан и направлен на опасную северную границу, на Дунай»³⁴. Б. А. Рыбаков предлагает и трактовку летописного «рода» Кия: за этим словом скрывается либо понятие племени, либо народа, либо династии; а затем автор стремится точнее установить хронологию действий славянского князя (с первых лет правления Юстиниана I до последнего упоминания об антах на Дунае, относящегося к 582—602 гг.). Если вспомнить, что к этому же времени относятся летописные упоминания о борьбе авар с Византией, закончившейся миром 558 г., и другие сведения от VI в., среди которых помещена легенда о Кие, то аргументация Б. А. Рыбакова становится особенно убедительной.

Определение характера и времени деятельности Кия (или его славянского прототипа) важно потому, что это дает возможность определить основные черты тех внешнеполитических контактов, которые имели место в VI в. между славянами и Византией, а значит, и определенный уровень развития древнерусской государственности. С этой целью обратимся еще раз к летописному тексту. О чем же говорит летописец? О том, что Кий княжил «в роде своем», что он «велику честь принял от царя»³⁵. Лаконичная и не совсем ясная запись становится более понятной при сопо-

³¹ Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. «Историк-марксист», 1943, № 11—12, стр. 78.

³² В. Г. Васильевский. «Труды». Т. II. СПб. 1912, стр. 384—385.

³³ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, стр. 34.

³⁴ Там же.

³⁵ ПВЛ. Т. I, стр. 13.

ставлении ее не только с византийскими источниками о случаях службы славянских князей в империи, на что указал Б. А. Рыбаков, но и с данными самой «Повести временных лет», в частности с текстом об уходе двух мужей — Аскольда и Дира от Рюрика³⁶: «И та испросистася ко Царюгороду с родомъ своим»³⁷. По пути они осели в Киеве и овладели полянской землей. Обратим внимание на своеобразный стереотип той эпохи — уход небольших северных дружин на службу в Византию. По-иному этот текст понять трудно, так как весь стиль повествования говорит не о подготовке военного похода князей на Царьград, а о мирном характере ухода в столицу империи.

Византия давно и прочно освоила практику использования «варварских» дружин для охраны границ или в составе своей армии во время зарубежных походов. Об этом неоднократно писали византийские авторы. Не составляли здесь исключения и северные соседи Византии славяне, в том числе анты. С этими фактами перекликается запись об Аскольде и Дире, которая удивительно находит историю Кия. Так же, как и они, легендарный Кий был во главе «рода», который можно трактовать как отряд соратников или сородичей (возможно, и то и другое вместе). Вряд ли летописец в данном случае имел в виду под словом «род» племя или народ, так как речь идет об отсколке какой-то организации, отделенном от основных сил; это может быть либо небольшая дружина, либо часть племени, сплотившаяся вокруг уже не племенного, а дружинного предводителя. Об этом же говорит подвижный характер организации. Что касается «родов» в смысле племен, народов, то они, согласно летописи, сидели на Белоозере, на Волге, на Днепре и Дунае. Именно сидели, а не отправлялись в далекие походы.

Так же, как Аскольд и Дир, Кий пошел к Константинополю; встретил там почетный прием, а затем передвинулся к Дунаю: «сруби» там «градок малъ» и «хотяше сести с родомъ своимъ»³⁸. Лишь сопротивление местных жителей помешало ему закрепиться в облюбованном месте, где позднее мечтал поселиться и Святослав Игоревич. Кий ушел на север и осел на Днепре. В этой версии обращают на себя внимание совершенно реальные явления: путешествие Кия во главе «рода» в Византию (именно во главе рода, а не в одиночку, так как позднее на Дунае он тоже хотел «сести с родомъ своимъ») и его уход из Константинополя на север, то ли для охраны византийской границы, как считает Б. А. Рыбаков, то ли в результате разрыва отношений с императором. Во всяком случае, можно предположить, что задолго до Аскольда и Дира северные дружины — и варяжские, и славянские, а возможно, варяжско-славянские — появлялись в пределах Византии и предлагали свои военные услуги. Отсюда и прием, отсюда и честь, отсюда и появление русских на Дунае. И было это, конечно, не военное предприятие, а мирный приход славян к Константинополю, о чем свидетельствует прежде всего фраза о великой чести, которую оказал славянскому предводителю император. Логическая такая честь никак не вытекает из факта военного столкновения славянской дружины и византийских войск. Зато она объяснима в случае прихода славян на службу к византийскому императору. Это ясно и из самого строя повествования: Кий ходил не на Царьград, а «ходилъ Царюгороду». Разумеется, это деталь, но деталь немаловажная. Предлог «на» летописец обычно использует для сообщения о военном нападении на Константинополь иноземных войск; предлог «к» (реальный или подразумеваемый), а также дательный падеж, напротив, употребляются тогда, когда речь идет о мирном приходе в Константинополь либо служилых дружин, либо посольств. Вот несколько примеров. 852 год: «Приходиша Русь на Царьгородъ...». 914 год: «Прииде Семеонъ Болгарски на Царьградъ...». 929 год: «Приде Семеон на Царьградъ». 943 год: «Придоша угри на Царьградъ...»³⁹. В этих случаях летопись повествует о военных походах руссов, болгар, угров на византийскую столицу. Да и в других случаях, когда автор «Повести временных лет» говорит о нападении на Византию Олега и Игоря, на Болгарию — Святослава, описы-

³⁶ Здесь не рассматривается вопрос об этнической принадлежности Аскольда и Дира (см. об этом: В. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава. 1913, стр. 16 сл.; А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб. 1903, стр. 320—321; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 172).

³⁷ ПВЛ. Т. I, стр. 18.

³⁸ Там же, стр. 13.

³⁹ Там же, стр. 31, 32, 33.

взает иные военные конфликты, он совершенно определенно употребляет предлог «на»: «Иде Олегъ на Греки», «Иде Игорьъ на Греки», «Иде Святославъ... на Болгары...». Или еще: «Придоша печенези первое на Русскую землю», «Иде Святославъ на козары...»⁴⁰. Вспомним, наконец, знаменитую угрозу Святослава: «Хочу на вы итти»⁴¹.

Иной смысл придает летописец предлогу «к». И самый этот предлог и дательный падеж используются им для обозначения мирного прихода к городу: Аскольд и Дир «испросистася ко Царюгороду с родомъ своим»; «Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду»⁴². В таком же стиле выдержана фраза, касающаяся появления Кия в Константинополе: «Ходилъ Царюгороду». Значит, автор «Повести временных лет» по аналогии с другими подобными случаями имел в виду мирный приход к городу славянского предводителя со своим «родом». Отсюда и честь, отсюда и дальнейшее перемещение по пределам Византийской империи. Таким образом, событие, показавшееся лишь легендарным одним историкам, недостойным упоминания — другим, спорным — третьим, по сути дела являлось ordinарным фактом, хорошо укладывавшимся в общую схему формирования государственности у восточных славян. Появление в славянском обществе «родов своих», которые можно отождествить с дружинами времен генезиса «военной демократии», выдвижение предводителей, способных предложить этой дружине (а если не дружине, то какой-то группе близких людей, предшествующей дружинной организации) путешествие в Византию, указывает на четкие тенденции предгосударственности.

Летописец очерчивает здесь тот период истории славянского общества, когда формировались черты «военной демократии», когда бурлящий славянский мир выплескивал на историческую арену свои первые организованные отряды, и те, приходя из родоплеменного бытия, оставляли видимые следы на мировых дорогах. Они шли сквозь Восточную Европу и Балканы в поисках удачи, опьяненные своей возрастающей значительностью и силой, воевали с Византией и аварами, сражались между собой, заключали мирные соглашения, продавали свои мечи империи, отвоевывали и заселяли облюбованные ими земли. Они учились вести посольские переговоры, осваивали язык древних дипломатических традиций, познавали роль золота, которым византийцы покупали их мир и союзные отношения. Но для традиционного мира Византии, для древних культур Востока вся эта суета сует северных соседей являлась чем-то хотя и опасным и существенным, но преходящим. Горделивый и тщеславный Константинополь мирился с этой тревогой, даже уступал славянам целые области, однако не признавал их постоянным политическим феноменом, как были признаны, скажем, в VI в. мощный Аварский каганат или в VIII в. хазары. Время Руси было еще впереди.

Приоткрывая подернутые дымкой древности события, летописец отражал лишь первые шаги будущей русской государственности. События, описанные автором «Повести временных лет» в легенде о Кие, как раз и относятся к тому времени, которое В. Т. Пашуто характеризовал так: «Восточнославянские земли еще до их объединения в одно государство участвовали в международной политике Северной и Восточной Европы; то же было и на юге. Установлению межгосударственных договорных отношений Руси с Византией предшествовали очень давние, вековые связи с ней отдельных земель восточнославянской конфедерации... Служба русских наемных дружин в Византии — отраженное свидетельство этих связей...»⁴³. Так возникали первые контакты догосударственной Руси с Византийской империей.

В Никоновской летописи, которая в ряде случаев дает не схожее с другими летописями описание некоторых эпизодов, содержится иная трактовка деятельности Кия и его отношений с Византией: «Аще бы былъ Кий перевозникъ, не бы ходилъ къ Царюграду с силою ратью; но сей Кий княжаше в роде своем и ратоваше многи страны; таже с Константиноградскимъ царемъ миромъ и братьским живяше, и велию честь приимаше от него и отъ всехъ. Идущу же ему из воин, на Болгары ходивъ, и цри-

⁴⁰ Там же, стр. 23, 33, 47, 71.

⁴¹ Там же, стр. 46.

⁴² Там же, стр. 18, 44.

⁴³ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 57.

иде къ Дунаю, и възлюби место и създа градъ, хотя тамо сести с роды своими, и не даша ему тамо живущей, всегда рати сотворяюще»⁴⁴. Здесь славянский князь выступает не в качестве политически еще не признанного предводителя дружины или наемника, обласканного императором за верную службу, а как глава суверенного государства, с которым Византийская империя весьма считается и находится в политически устойчивых отношениях «мира и братства». Достижение этих отношений Никоновская летопись связывает с военными успехами славян: Кий ходил на Константинополь «с силою ратью»; он «ратоваше многи страны», в частности дунайских болгар; поэтому-то и в Византии, и в других странах ему воздавали великую честь. А появление его на Дунае Никоновская летопись связывает не с тем, что он шел «вспясть», возвращаясь после мирного прихода в Византию, как это отмечено в «Повести временных лет», но с военными действиями против болгар. Если бы мы не знали, что речь идет о Кие, то вполне могли бы представить себе, будто летописец ведет речь о Святославе Игоревиче. Та же воинственность, тот же интерес к дунайским землям, тот же удар по болгарским владениям, прежде чем приходит решение основать город на полюбившемся месте, на Дунае.

Приняв версию Никоновской летописи, мы могли бы отодвинуть по крайней мере на два столетия назад вхождение восточных славян в конгломерат восточноевропейских государственных образований и установить, что возникновение устойчивых политических отношений между восточными славянами и Византией относится уже к VI веку. При всей привлекательности подобной версии от нее, однако, следует отказаться. Весь строй жизни славянского общества того времени, его внутривнутриполитическая организация и внешнеполитические действия свидетельствуют, что автор текста о Кие в Никоновской летописи торопил события. Но и тот минимум, с которым мы согласны, признавая реальной версию Лаврентьевского списка, указывает, что в VI в. в Византии уже хорошо знали древних славян. С ними воевали, мирились, их вождей привлекали на службу. Восточные славяне стояли на пороге образования государства. Славянское общество времен Прокопия Кесарийского, Менандра Протиктора, Феофилакта Симокатты, Псевдо-Маврикия, наряду с другими предгосударственными и государственными объединениями того времени, постепенно осваивало тот политический арсенал межгосударственных отношений, которым пользовались в тогдашнем мире. Но лишь государственная зрелость и военная мощь способны были воплотить эти знания в конкретные политические действия.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. IX, стр. 4.